

Читая сводки совинформбюро...

Перелистывая комплект газет за военные годы, мы то и дело задерживали внимание на сводках Советского информбюро. Сводки эти каждый день слушали по радио, записывали на клочках оберточной бумаги, передавали из уст в уста с одинаковым волнением бойцы фронта и труженики тыла.

Октябрь 1943 года. «Преодолевая сопротивление, наши войска на всех фронтах продолжали наступление, — сообщалось в сводке за семнадцатое октября. — Противник несет большие потери».

Дальше указывалось, во что обошлись гитлеровцам попытки задержаться на промежуточных рубежах, сколько сбито фашистских самолетов, сколько уничтожено танков и орудий. И в конце приведена справка, которая воспринимается как подтверждение мудрых ленинских слов о том, что нельзя сделать страну оборонноспособной без величайшего героизма народа.

Речь шла о трудовом героизме шахтеров Караганды, отгружающих сверхплановые эшелоны угля в фонд главного командования Советской Армии. Напомним строку из этой сводки Совинформбюро: «Коллектив карагандинской шахты № 33-34 с каждым днем увеличивает счет дополнительного топлива, чтобы быстрее разгромить врага. Пример в труде показывает врубмашинист Леонид Титяев и его товарищи, которые не уходят из шахты до тех пор, пока не будет выполнен план».

Нельзя было не остановиться на этих скупых строках. За ними возникла в памяти Караганда третьей военной осени: остроконечные терриконы, грохочущие углем эшелоны. Так выглядела и шахта № 33-34.

Все было ясно тогда: нужно было работать столько, сколько можешь и даже больше того, что можешь.

Без малого восемнадцать лет прошло после сводки Совинформбюро. Мы решили найти Титяева, познакомиться с ним и его товарищами поближе.

...О том, что Титяева зовут Леонидом Николаевичем, мы узнали еще по дороге на шахту. Пожилой горняк, спешивший на утренний наряд, оказывается, хорошо знал Титяева.

На шахте мы установили, что Титяев уже не врубмашинист,

как говорилось в сводке Совинформбюро. Много горняцких профессий переменил он за эти годы. Он возглавлял бригаду, был начальником участка, последнее время работал помощником начальника шахты. А недавно, имея за плечами четверть века подземного стажа, ушел на заслуженный отдых. Оно и понятно: время идет.

Титяев не имел охоты углубляться в прошлое. И только уступая просьбе, начал рассказывать, как шахта поднимала добычу, как вместе с коллективом росли люди, как приходило к ним мастерство. Леонид Николаевич вспомнил и о своей врубовке.

— Еще до войны врубмашинисты восемнадцатой шахты славились на всю Караганду своей высокой выработкой. А мы| еще только осваивали «ГТК-1» — эту врубовку разве забудешь! Нелегко давалась она. А когда освоили, поняли — мало угля даем. Тогда ведь была пора массового движения горняков за перевыполнение сменных норм, а мы, врубмашинисты, находились в первом ряду.

Он хорошо понимал, как важно врубмашинисту работать с полной нагрузкой, задавать своей работой высокий ритм всей лаве. И Титяев старался.

— На восемнадцатой шахте высокой выработкой выделялся Барский. До 20 тысяч тонн угля своей врубовкой подрубал за месяц. Никто столько тогда не подрубал. Вот и взяли мы на себя смелость с Барским потягаться. Подготовились как следует, конечно, постарались, чтобы лава была ровная и всегда к нашему приходу дорога для врубки была готова, над графиком посидели и дали почти наполовину больше месячной нормы — 18 тысяч тонн. Понятно, на шахте разговоры о нас пошли..

— Но должен вам сказать, что «соперники» попались неуступчивые, — продолжал уже совсем повеселевший Леонид Николаевич.

— Видим — дело серьезное, не до шуток, а отступать — куда тут! Пришлось не то что часом, каждой минутой дорожить. И что вы думаете — дали мы 19 тысяч тонн угля. В мае 1941 года: это было. А в июне началась война.

Вспоминал Титяев в разговоре с нами и плакат первых военных лет, который был хорошо знаком всем советским людям. Мать фронтовика словно обращалась и к Титяеву со

словами на плакате: «Убей его!» И вместе со всеми шахтерами Караганды врубмашинист Титяев работал так, как подсказывала совесть настоящего патриота.

Когда мы беседовали с Леонидом Николаевичем, в комнату вошел пожилой человек в темном шахтерском кителе, ладно сидевшем на сильных плечах. Титяев заметно оживился.

— Ну, вот и товарищ мой, Андрей Иванович Спицин. Хоть его имя и не значилось в сводке Информбюро, которая вас так интересует, но помогал он мне много и хорошо всю войну. Ведь мы с ним в одной лаве работали.

Мы напомнили Андрею Ивановичу, что сообщало Советское информбюро в октябре 1943 года.

— До трех норм выполняли за смену. Точно... Иначе нельзя было — война требовала. Горячее было дело, уголь нужен был не меньше, чем хлеб. Недаром Леониду Николаевичу орден Ленина и медаль дали.

И еще рассказал нам Спицин, то и дело перебываемый смущенным Титяевым, как в начале 1944 года на Леониде Николаевича, заканчивающего подрубать лаву, упал большой кусок угля. Нужно было отлежаться дома день — другой, чтобы поухаля боль в правом плече, но врубмашинист Титяев поднялся на-гора, а через

полчаса с перевязанным плечом заканчивал смену.

Беседовали мы и с другим ветераном шахты — Петром Филимоновичем Акуловым. Акулов — беспокойный человек. Да еще какой! Работал в годы войны, и хорошо работал, в одном забое. Но показалось мало: попросил еще один проходческий забой. И этого показалось мало: потребовал третий. А когда стал «трехзабойщиком», в пять раз превзошел средние скорости проходки по бассейну. Недаром на груди шахтера-новатора красуется Золотая звезда героя!

* * *

Историю одной сводки Советского информбюро, датированной октябрем 1943 года, следует завершить так:

— В соревновании за достойную встречу очередного XXII съезда Коммунистической партии механизаторы шахты с каждым днем увеличивают счет сверхпланового угля. В трудовой предсъездовский фонд внесено десять дополнительных эшелонов...

Эти сведения мы датируем маем 1961 года. И что особенно радует: поток сверхпланового топлива в подарок предстоящему съезду растет. Это стало в коллективе замечательной традицией,

Б. МОРЕВ.